

МУЗЫКА

ПОИСКИ «СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА»

В конце января Национальный симфонический оркестр в Вашингтоне под управлением Мстислава Ростроповича исполнил новое произведение Вячеслава Артемова «Тихое веяние», третья часть его обширной тетралогии «Симфония пути».

В 1988 году композитор впервые побывал в Америке. Ростропович с его обостренным чутьем к явлениям культурной жизни на родине, прослушав вещи Артемова, отозвался мгновенно: «Прежде всего я хочу от тебя новое сочинение, посвященное моему оркестру». Так родилась симфония «На пороге светлого мира», сыгранная в Вашингтоне в сентябре 1990 года. Последовал другой заказ, который к моменту нашей встречи с композитором был почти готов и расписывался по нотам.

Название симфонии подсказано словами из православной Библии, из Книги Иова: тихое веяние опускается на страдальца перед явлением Господа, которого Иов молит об избавлении от мук. Горестная эта притча, как мы знаем, разрешается благополучно, так и в «Тихом веянии» Артемова сквозь мрак мерцает надежда.

— Предыдущую мою симфонию «На пороге светлого мира», — рассказывает композитор, — американские критики восприняли как аналогию событий в России: трагизм их будет избыток и сменится просветлением. Ее можно и так понимать, но у меня светлый мир — мир потусторонний, он наступает, когда человек физически уже не существует. «Тихое веяние» более оптимистично. Если спроецировать эту музыкальную тему на нашу действительность, она вырастает из надежды, которую я увидел в августе у «Белого дома» в бесстрашных людях, защищавших свою свободу. Правда, рядом другие шныряли по магазинам, но правда и то, что в эти же дни стояли очереди за абонементом в консерваторию.

Звезды все-таки светят сквозь тучи.

Широкую известность Артемову принес его «Реквием», впервые прозвучавший осенью 1988 года. Посвящая свойopus «мученикам многострадальной России» — белым и красным, правым и левым, которых поглотил адский водоворот ГУЛага, автор говорит, что писал его не как погребальную, но искупительную поэму. Он хотел показать крестный путь своего народа, а тот, увы, несомненно: общество не изменится, пока каждый не покается в душе своей.

— Только стремление к духовному совершенству оправдывает нашу жизнь. В противном случае человек всегда будет неудовлетворен — материальной жажде нет предела. Владимир Соловьев, если не ошибаюсь, сказал: просто продолжение рода — это дурная бесконечность. Зачем тогда человеку в отличие от животных определен дар самопознания? Именно в музыке мир вещественный стремится стать духовным. Музыка — не искусство в ряду искусств, ее можно поставить вровень с миссионерской деятельностью.

Не думаете ли вы, спрашиваю, что такие высокие сферы — удел избранных, обычный человек задохнется в этом разреженном воздухе?

— Культура — качество души, и она процветала не обязательно в дворянских собраниях. Студентом в середине 60-х, бывая на Севере в фольклорных экспедициях в уда-

ленных деревнях, не подверженных фабричной эрозии, я видел людей настоящей народной культуры. Получая от государства оскорбительную пенсию — восемь с половиной, деревенские старухи сумели сохранить и природную деликатность, и достоинство, и способность радоваться жизни. «Не хлебом единым» — это про них.

— Вы полагаете, им доступна ваша музыка, или вы пишете для образованной публики?

— По отношению к художнику вопрос некорректен. Смысл творчества — в открытии, и каждый приглашен его разделить. К сожалению, наша публика серьезной душевной работе предпочитает бездумные удовольствия, которая несет черты уголовно-тоталитарного общества — жестокость, агрессивность, неврастение, люди оглушены ею. А звуковое насилие особенно разрушительно.

— Не слишком ли вы суровы?

— Может быть, и суров, только я солидарен с протопопом Аввакумом, который ломал скоморошья гу-

Мстислав Ростропович
и Вячеслав Артемов